

Алла Камалова

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Светлана Коломейченко

Северодвинск, Россия

ПОВТОРЫ В ЖИТИИ СТЕФАНА ПЕРМСКОГО

Key words: ornate words braiding, rehearsal, sacral marker, interpretation, coding, ontological theory of meaning

Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископа [сокращенно *Житие Стефана Пермского*, далее ЖСП], созданное в конце XIV века Епифанием Премудрым, – одно из самых вычурных, витиеватых и торжественных текстов, для которого характерен стиль „плетение словес” или „извитие словес”. Как предмет исследования „плетение словес” привлекает литературоведов, лингвистов, философов, культурологов, но продолжает оставаться загадкой. Существует чрезвычайно широкий диапазон взглядов на плетение словес, в частности на стиль Епифания Премудрого. Сторонники исихастских и паламитских истоков „нового стиля” объясняют витиеватость произведений особым отношением исихастов к слову, к символу, отражением практики постоянной молитвы. „Плетение словес” может рассматриваться и как элемент эстетизации. Издревле все относящееся к духовной сфере воспринималось, прежде всего, эстетически, как несущее духовное наслаждение, радость, и обозначалось как прекрасное. В конце XIV века

только искусно сплетенная (как декоративный орнамент) речь может донести до сердца читателя (или слушателя) глубинную сущность описываемого [Бычков, электронный ресурс].

Среди главных особенностей русского христианского художественно-эстетического сознания называют:

соборность, обостренную нравственно-этическую ориентацию, повышенную духовность искусства, его символизм, софийность, каноничность, тяготение к своеобразному синкретизму, [...] направленность же искусства на выражение высших духовных ценностей Культуры, ориентированных прежде всего

на умонепостигаемого Бога, привело к повышению уровня абстрагирования его художественного языка, повышению степени условности его выразительных средств, т.е. к художественному символизму [Бычков, электронный ресурс].

Андрей Ранчин отмечает, что специфика древнерусской литературы связана с верой, с особым религиозным отношением к слову: книжность, письменность и сама азбука были для православных христиан сакральными. Для древнерусского религиозно-культурного сознания книжник, писатель – это не автор в собственном смысле слова, а „инструмент” в руках Бога, „орудие” Господа, творец по благодати Божией. Славянские книжники почитали церковнославянский язык как священный, который служил для выражения богооткровенной истины христианства [Ранчин (а), электронный ресурс: 20].

Некоторые ученые видят в „плетении словес” лишь искусственно украшенную речь, „до невозможности вычурную и расплывчатую” (обзор высказываний о „плетении словес” см. в [Лихачев 1956; Абрамова 2004]).

Ученые, как правило, единодушны в том, что „плетение словес” – это стилистическая манера, отличающаяся абстрагированностью, метафоричностью, богатым использованием изобразительно-выразительных средств [Колесов 1989; Дмитриев 1964; Коновалова 1966; Аверинцев 1997; Кожин 1984], определяют этот стиль как

пользование однокоренными и созвучными словами, ассонансами, синонимикой и ритмикой речи для создания своеобразного словесного орнамента [Лихачев 1987: 46].

Функцию текстов канонического искусства Юрий Лотман видел в сообщении воспринимающему (читателю, созерцателю, слушателю) принципов, по которым эти тексты построены. Под такими принципами понимается код, с помощью которого читатель мог по-новому интерпретировать другие тексты, и полагал, что каноническое искусство содержит и передает не только коды, но и новые сообщения [Лотман 1992а: 84–85; Лотман 1992б: 243–247]. Существует мнение, что кодированные тексты

более типичны для культур, ориентированных на канон [...] Новое в традиционалистском тексте может создаваться не благодаря оригинальности сообщения, но благодаря особенностям кода, выражающего это сообщение [Ранчин (а), электронный ресурс: 20].

Как сакральный текст мы рассматриваем *Житие Стефана Пермского* – образец воплощения результатов синергетического творчества, как Слово Божие, ставшее доступным нам благодаря своей актуализации в человеческом языке посредством творчества „богодухновенного” автора Епифания Премудрого. При определении сакрального текста необходимо учитывать свойство сакральности – некоей ценности, возникающей в специфическом акте религиозной деятельности.

Все сакральные произведения как явления языковой культуры связаны с определенной нормой их создания, а следовательно, толкования и понимания. Деятельность, направленная на извлечение смысла этих текстов, иерархически организована [Абрамов 2006: 44].

Именно „плетение словес” понимается нами как важнейший прием организации смысла сакральных текстов. „Плетение словес” представляет собой определенные модели, допускающие расшифровку при последовательном проникновении в глубинные структуры текста. Ключом к лингвокогнитивному исследованию „плетения словес” является декодирование означаемого с учетом культурных стереотипов языкового сознания.

Ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию [Карасик 1996: 15].

Сведения о свойствах „плетения словес” как совокупности различных стилистических приемов обобщены в диссертационной работе Ирины Абрамовой, где названы „показательные, существенные с лингвистической точки зрения признаки”, а именно: 1) ритмизация текста; 2) абстрагирование; 3) сложные слова, неологизмы; 4) синонимика; 5) оценочные эпитеты; 6) различные стилистические приемы: повтор, перифраза, метафора, риторические вопросы; 7) грамматические признаки; 8) синтаксис [Абрамова 2005: 43–49]. Лихачев отмечал, что:

все „приемы” орнаментальной прозы рассчитаны на различные „приращения смысла”, на создание в тексте некоего „сверхсмысла”, этот „сверхсмысл” требует осознания читателем глубинного значения [Лихачев 1979: 97],

и в этом видел близость орнаментальной прозы и поэзии. Исследователи отмечают множество общих черт в природе, организации, функциях и бытовании сакрального и поэтического текстов (см.: [Богин 1982; Гучинская 1995] и др.), но особое внимание уделяется повторам. При этом подчеркивается, что ЖСП – это „сложнейшая система повторов, положенная в основу организации текстов Епифания” [Петрова 2007: 83–83] и „именно на повторах и многочисленных варьированиях уже сказанного Епифаний Премудрый строит свой стиль – «плетение словес»” [Шумило, электронный ресурс].

Лихачев видит особую роль „стилистической бинарности” в раскрытии содержания произведений орнаментальной прозы:

Наиболее часто в стиле „плетение словес” участвует удвоение понятия: повторение корня слова, соединение двух синонимов, противопоставление двух понятий и т.д. Принцип двойственности имеет мировоззренческое значение в стиле „плетения словес”. Весь мир как бы двоится между добром и злом, небесным и земным, материальным и нематериальным, телесным и духовным. Поэтому бинарность играет роль не просто стилистического приема – повтора, а противопоставления двух начал в мире [Лихачев 1979: 97–106].

В нашем исследовании повтор понимается как один из способов создания „плетения словес”, при этом выдвигается гипотеза: повтор – „маркер сакральности” житийного текста.

Сакральность текста не определяется каждым его элементом – будь то стилистически окрашенное слово, грамматическая категория или фразеологическая единица. Скорее, некоторые элементы, которые можно было бы назвать маркерами сакральности, задают всему коммуникативному пространству текста это качество [Абрамов 2006: 44].

Обратимся к анализу повторов на примере следующего контекста:

что́́ еще́ та на-
рекоу́, вѣжа заблѣоужьшимъ, ѡбрѣтателя погыбшимъ, настав-
ника прелѣпнымъ, роуководителя оумѡ ѡслапленнымъ, чисти-
теля ѡскверненымъ, вѣсника расточенымъ, стража ратнымъ,
оутѣшителя печальныи, кормителя длачущимъ, подателя тревоу-
ющимъ, наказателя несмысленымъ, помощника ѡбидимымъ,
млатвенника тепла, ходатаа вѣрна, поганымъ спсителя, вѣсо про-
х. 771. каннателя, кмиро потревителя, йдола попирателя, Бгоу | слд-
жителя, мрѡсти рачителя, днашсодїи любителя, [цѣломрїи
дѣлателя]⁸, правдѣ творителя, книгамъ сказателя, грамотѣ
пѣрмьстѣи списателя.

Данный контекст уже являлся предметом исследования, при этом обращалось внимание на эпитеты, выполняющие описательно-распространительную функцию, на синонимический ряд, на созвучия суффиксов и окончаний, варьирование числа слогов в словах [Абрамова 2004; Ранчин (а), электронный ресурс: 21], однако смысловая роль повторов не анализировались. В нашем исследовании повторы описываются на синтаксическом и семантическом уровнях. Задача – выявить смысловую роль повторов.

Первый исследовательский шаг – синтаксическая характеристика повторов. Повторы представлены подчинительными субстантивными словосочетаниями, которые могут быть объединены следующими грамматическими моделями (далее церковнославянские слова подаются в современной графике):

1. $N_{4s} + N(\text{part})_{3pl}$ – *вожжа заблудшим, обретателя погыбшим* и под.
В составе подобных словосочетаний причастные формы следует считать субстантивированными. По своей функции к этой модели примыкают:
 $N_{4s} + [N_{5s} + N(\text{part})_{3pl}]$ – *руководитель умом ослепленным* и под.;
2. $N_{4s} + N(\text{adj})_{3pl}$ – *утешитель печальным* и под.;
2. $N_{4s} + \text{Adj}_{\text{крат.ф.}}$ – *молитвенника тепла* и под.;
3. $N_{3pl} + N_{4s}$ – *бесом проклинателя* и;
 $N_{3s} + N_{4s}$ – *Богу служителя* и под.;

4. $N_{3s} + N_{4s}$ – правде творителя и под.,
 $[N_{3s} + Adj] + N_{4s}$ – грамоте пермской писателя.

Второй исследовательский шаг – анализ компонентов словосочетаний на уровне „внешнего” и „внутреннего” рядов повторов: **I** – „внешний” ряд (выявляется по главному слову) и **II** – „внутренний” ряд (выявляется по зависимому слову), например:

I II

Вожа заблудшим, обретатель погившим, наставник прельщенным.

В результате получили два ряда слов:

I. Вожа, обретатель, наставник, руководитель, чиститель, взыскатель, страж, утешитель, кормитель, податель, наказатель, помощник, молитвенник, ходатай, спаситель, проклинатель, потребитель, попира-атель, служитель, рачитель, любитель, делатель, творитель, сказатель, писатель;

II. Заблудшим, погившим, прельщенным, умом ослепленным, оскверненным, расточенным, ратным, печальным, алчущим, требующим, несмысленным, обиженным, тепла, верна, поганым, бесом, кумирам, идолам, Богу, мудрости, философии, целомудрия, правде, книгам, грамоте пермской.

Третий шаг – описание семантики слов внешнего и внутреннего рядов. Семантический анализ опирается на онтологическую (реалистическую) теорию смысла, базирующуюся на идеях православного энергетизма. Для онтологической теории

особенно важны положения о том, что у всякой объективно существующей вещи есть смысловая сторона, что смысл вещи есть ее сущность, что идея вещи существует нераздельно с вещью, но и неслитно, что идея вещи есть закон ее существования, то есть ее явления [Камчатнов (а), электронный ресурс: 8].

В нашем исследовании оперируем терминами „символическая семема”, „ноэма”, „эйдос”, „символ”.

Полагаем, что для определения смысла повтора необходимо выявить общие компоненты значений в рядах слов, с этой целью обращаемся к материалам исторических словарей (список лексикографических источников прилагается). В работе со словарными статьями учитывались особенности функционирования древнерусского слова:

в памятниках древнерусской письменности слово характеризуется анархической многозначностью, усугубленной влиянием греческих текстов, переводимых в Древней Руси [Камчатнов (б), электронный ресурс: 9],

и необходимо было выявить дефиниции, соответствующие анализируемому контексту, учитывать помету *Церк.* Этапы семантического анализа проиллюстрируем на примере слова **вожа**.

I. Обратимся к толкованию этого слова в исторических словарях. Выявляется, что соответствующее понятие соотносится с рядом однокоренных слов,

многоименство представлено словами *вожа*, *вожь*, *вожак*. Так, в Словаре 1899 **вожа** – „вожатый, проводник”; в Словаре Срезневского [Срезневский 1893] **вожь** – „вождь, предводитель, руководитель, проводник”; в Словаре 1847 **вожакъ** – „ведущий другого, проводник”.

Словари, по Алексею Лосеву, дают перечисление основных вариантов семем – конкретных способов понимания значения слова. Выделим „основные варианты семем” для слова **вожь**:

вождь, предводитель, руководитель, проводник, вожатый, ведущий [...] и можно задаться целью сведения всех их к некоему общему значению данного слова, что и будет его вторым симолоном, или некоей символической семемой. То, что обще всем этим отдельным значениям данного слова, и есть его полная символическая семема [Лосев 1999: 53].

II. Для выявления конкретно-общего значения (символической семемы) приведем толкования выделенных семем слова **вожь** по Словарю 1847: **вождь** – „1. Предводитель войска”, „3. Вожатый, проводник”; **вожатой** – „то же, что вожак”; **вожак** – „ведущий другого, проводник”; **предводитель** – „вождь”; **руководитель** – „показывающий путь или средства к достижению чего-либо; наставник”; **наставник** – „дающий наставление, учитель, руководитель”; **учитель** – „наставник”; **проводник** – „сопровождающий кого-либо для охранения, или указания пути; провожатый”; **провожатой** – „проводник”; **ведущий (вести)** – „2. Предводительствовать”, „3. Путеводствовать, указывать дорогу”.

III. Представим результаты наблюдений частотности (тождественности) совпадений конкретно-общего значения в таблице, где горизонтальная строка – общее толкование слова **Вож**, вертикальная – толкования указанных слов по Словарю 1847, в ячейках на пересечении горизонтального и вертикального столбца отмечается („+”) совпадение значений толкований указанных слов:

вожа	вождь	предводитель	руководитель	проводник	вожатый	ведущий
вождь	+	+		+	+	
предводитель	+	+				
руководитель			+	+		
проводник				+		
вожатый				+	+	
ведущий		+		+	+	

Сведения таблицы позволяют сделать вывод о том, что значения слова **вожа** (*вождь, предводитель, руководитель, проводник, вожатый, ведущий*) повторяются и пересекаются в лексической единице *проводник* ‘тот, который указывает путь’, что является его полной символической семемой.

По Лосеву, „значения данного слова, находимые в словаре, суть, собственно и строго говоря, уже не символические семемы, а нечто гораздо большее” [Лосев 1999: 54]. Ноэма, как уточняет Лосев, „есть результат меонального оформления предметно-сущего”, а вся сфера значений слова, между символической семемой и чистой корреляцией предмета, „мы и называем общим именем ноэмы” [Лосев 1999: 61, 62]. Так, ноэмой для слов *вождь, предводитель, руководитель, проводник, вожатый, ведущий* является ‘тот, кто указывает путь’.

В инобытии из совпадения ноэмы и семемы возникает категория языкового символа. Категория семемы вносит в имя момент становления, которое можно представить себе в виде множества смысловых точек, через которые проходит имя. В каждой такой точке имя приобретает новую семему, оставаясь, однако, самим собой, поэтому каждая семема указывает на имя, символизирует собой имя, семемой которого она является. Поскольку же имя есть имя того или иного эйдоса, то каждая семема является символом этого эйдоса в инобытии... В семеме и ноэме нужно видеть символическое выражение идеи, которая помимо них не имеет никакого иного выражения, следовательно, нет и никакого иного пути ее познания, кроме символического [Камчатнов (а), электронный ресурс: 8].

Таким образом, *вождь, предводитель, руководитель, проводник, вожатый, ведущий* суть воплощения одного эйдоса („Проводник”) в инобытии (диапазон возможных для человека способов представления). „Проводник” – смысловая картина предмета, смысловое изваяние, лик сущности, созерцаемый умным зрением.

Подобным образом был проведен анализ других лексических единиц внешнего и внутреннего словесных рядов.

Изучение лексикографических дефиниций слов внешнего ряда позволило выделить следующие ряды ноэматически близких слов:

- **вожа, обретатель, наставник, руководитель, чиститель, взыскатель, страж, утешитель, кормитель, податель, наказатель, помощник** – ноэма ‘тот, кто указывает путь’, эйдос „Проводник”;
- **молитвенник, ходатай** – ноэма ‘тот, кто ходатайствует за нас перед Богом’, эйдос „Ходатай”;
- **спаситель, проклинатель, потребитель, похититель** – ноэма ‘тот, кто избавляет от чего-либо’, эйдос „Спаситель”;
- **служитель, рачитель, любитель, делатель, творитель** – ноэма ‘служитель делу’, эйдос „Служитель”;
- **сказатель, писатель** – ноэма ‘тот, кто толкует’, эйдос „Толкователь”.

Анализ лексикографических дефиниций внутреннего словесного ряда выявил ряды ноэматически близких слов:

- **заблудшие, погившие, прельщенные, умом ослепленные, оскверненные, расточенные, ратные, печальные, алчущие, требующие, несмысленные, обиженные** – ноэма ‘тот, кто нуждается в помощи’, эйдос „Заблудшие”;

- **тепла, верна** – нозма ‘положительная характеристика активного проявления свойства, качества, действия’, эйдос „Хороший”;
- **поганые, бес, кумир, идол** – нозма ‘тот, кто не крещеный’, эйдос „Язычники”;
- **Бог, мудрость, философия, целомудрие, правда** – нозма ‘то, что (кто) заслуживает доверия’, эйдос „Истина”;
- **книги, грамота пермская** – нозма ‘грамота’, эйдос „Знание”.

На смысловом уровне словосочетания-повторы соотносятся с пятью эйдосами:

- 1) „Проводник заблудшим” – 12 повторов,
- 2) „Ходатай перед Богом” – 2 повтора,
- 3) „Спаситель язычникам” – 4 повтора,
- 4) „Служитель истине” – 5 повторов,
- 5) „Толкователь знаний” – 2 повтора.

Можно спорить об именах эйдосов, уловить их смысл действительно должно быть, невозможно... К нему можно лишь приблизиться. Однако наши наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

На формально-синтаксическом уровне в контексте выявляется ряд субстантивных словосочетаний (всего 25), но на грамматическом уровне словосочетания различны: синтаксический повтор представлен пятью моделями и их разновидностями; они, в свою очередь, выражаются пятью рядами соответственных семантических повторов.

Смысловая организация повторов соотносима с пятью эйдосами, естественно установить иерархию эйдосов в составе высказывания. Эйдосы „Проводник заблудшим” – „Ходатай перед Богом” – „Спаситель язычникам” обладают общим смыслом: проводник заблудшим предполагает ходатайство перед Богом, и, как результат, – спасение язычников, а спасение предполагает также способ, путь. Установленные эйдосы объединены единым сценарием: кто-то ведет кого-то куда-то каким-либо путем согласно какой-либо цели. Данный сценарий может быть развернут подстановкой лексических единиц, соотносимых с конкретным эйдосом. Таким образом, выстраивается искусственный текст, отражающий глубинный смысл плетения словес, скрытый за повторами: *Стефан ведет язычников и всех заблудших к истине с помощью Евангелия*, где Евангелие понимается как главная книга христианина, в которой запечатлена Истина. Но Истина – это и есть Бог. И тот, кто ведет к Богу, тот является и проводником, и ходатаем, и спасителем, и толкователем, и наставником и кормителем (см.: *окормление духовное*, понимаемое как особая форма пастырского служения, заключающаяся в смиренном учительском действии пастыря и в содействующем ему действию благодати Божией).

Целый ряд слов, обозначающий деятеля и лиц, на которых направлено действие, получает характеристику. Закодирована информация о конкретных исторических событиях – обращение язычников в христиан. Смысл конкретный,

но скрыт в смысловых повторах. Каждое из слов повтора привносит определенную смысловую добавку. Мы наблюдаем переход от эйдоса к символу. Именно в эйдосе „Толкователь знаний” заключен символический смысл подвижнического подвига Стефана Пермского – перевод богослужебных книг и богослужения на зырянский язык продолжателя дела святых равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия. Смысл в символе не созерцается, а прозревается,

символ и есть неисчерпаемое богатство апофатических возможностей смысла. Символ только и мыслим при условии апофатизма, при условии бесконечного ухода оформленных, познаваемых сторон эйдоса в неисчерпаемость и невыразимость первоисточника всего в нем оформленного и осмысленного [Лосев 1999: 108];

Сакральный текст, будучи логосом, а не только мифом, должен быть так организован семантически, чтобы предельно точно выполнять когнитивную функцию, т.е. продуцировать смыслы посредством значений, заданных языковыми единицами и специфическим сакральным контекстом их функционирования [Абрамов 2006: 58].

Именно повтор выполняет основную смыслообразующую функцию, служит „сгущению” смысла. Повтор как одна из разновидностей способа создания „плетения словес” является „маркером сакральности” житийного текста.

Библиография

- Абрамов С.Р. (2006). *Сакральный и поэтический текст как предмет филологической герменевтики*. Дис. [...] доктора филол. наук. Санкт-Петербург.
- Абрамова И.Ю. (2004). *Структурно-семантическая и синтаксическая организация агиографических текстов стиля „плетение словес”*. Дис. [...] канд. филол. наук. Нижний Новгород.
- Аверинцев С.С. (1997). *Поэтика ранневизантийской литературы*. Москва.
- Богин Г.И. (1982). *Филологическая герменевтика*. Калинин.
- Бычков В.В. *Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Vuchkov_Lexikon/_10.php>, дата доступа: 7.12.2011.
- Гучинская Н.О. (1995). *Границы стилистики, поэтики и герменевтики при интерпретации художественного текста*. В: Е.А. Гончарова (ред.). *Междисциплинарная интерпретация художественного текста*. Санкт-Петербург.
- Дмитриев Л.А. (1964). *Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в.* В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 20. Москва–Ленинград.
- Камчатнов А.М. (а). *Воплощенный Логос*. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.textology.ru/library/book.aspx?bookId=9&textId=5>>, дата доступа: 1.12.2011.
- Камчатнов А.М. (б). *О семантическом словаре древнерусского языка*. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.textology.ru/article.aspx?ald=110>>, дата доступа: 7.12.2011.

- Карасик В.И. (1996). *Культурные доминанты в языке*. В: *Языковая личность: культурные концепты*. Волгоград–Архангельск.
- Кожин А.Н. (1984). *Литературный язык Московской Руси*. Москва.
- Колесов В.В. (1989). *Древнерусский литературный язык*. Ленинград.
- Коновалова О.Ф. (1966). „Плетение словес” и плетеный орнамент конца XIV в. В: *Труды Отдела древнерусской литературы*. Т. 22. Москва–Ленинград.
- Лихачев Д.С. (1956). *Средневековый символизм в стилистических системах Древней Руси*. Москва.
- Лихачев Д.С. (1958). *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России*. Москва.
- Лихачев Д.С. (1979). *Поэтика Древнерусской литературы*. Москва.
- Лихачев Д.С. (1987). *Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России*. В: Д.С. Лихачев. *Исследования по древнерусской литературе*. Ленинград.
- Лосев А.Ф. (1999). *Философия имени*. Москва.
- Лотман Ю.М. (1992а). О двух моделях коммуникации в системе культуры. В: Ю.М. Лотман. *Избранные статьи в трех томах*. Т. 1. Таллин, с. 84–85.
- Лотман Ю.М. (1992б). *Каноническое искусство как информационный парадокс*. В: Ю.М. Лотман. *Избранные статьи в трех томах*. Т. 1. Таллин, с. 243–247.
- Петрова В.Д. (2007). *Особенности языка древнерусских житий стиля „плетение словес” (в связи с его происхождением)*. В: *III Международный конгресс исследователей русского языка „Русский язык: исторические судьбы и современность”*. Москва.
- Ранчин А.М. (а). *Своеобразие древнерусской литературы*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.CoolReferat.com/Своеобразие_древнерусской_литературы>, дата доступа: 20.11.2011.
- Ранчин А.М. (б). „Плетение словес” в *Житии св. Стефана Пермского*. Электронный ресурс. Режим доступа: <<http://www.portal-slovo.ru/philology/42021.php>>, дата доступа: 5.12.2011.
- Шумило С. *Поэтика повторов у Епифания Премудрого (на материале Жития Сергия Радонежского)*. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://catasomb.org.ua/modules.php?name=Pages&go=print_page&pid=972>, дата доступа: 27.11.2011.

Источник

Житие святого Стефана Епископа Пермского, написанное Епифанием Премудрым (ЖСП) (1897). Издание Археографической Комиссии. Санкт-Петербург.

Лексикографические источники

- Словарь древнего славянского языка, составленный по Остромирову евангелию* (1899). Санкт-Петербург. Изд. А.С. Суворина (Словарь 1899).
- Срезневский И.И. (1893). *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1. Санкт-Петербург.
- Словарь церковно-славянского и русского языка* (1847). Санкт-Петербург (Словарь 1847).

Summary

Repeats in *Hagiography of Stefan Permskiy*

In the given article the following assumption has been put forward: repeats are one of the means of “ornate words braiding” formation. They play the main role in the arrangement of sacral texts meaning. The following method of meaning function analysis of “ornate words braiding” has been tested: from structure to meaning. The given research paces have been implemented: 1 – syntactical models of repeats have been revealed, 2 – the semantics of lexical units building up the repeats has been analyzed, 3 – semantic classification of repeats has been performed, 4 – the role of repeats in the meaning content have been interpreted. Semantic analysis is based on ontological (realistic) meaning theory, while describing of words meaning various historical dictionaries are used.